

Куляш

Ахметова

«ПЕРЕВОЖУ Я С ЯЗЫКА ЗЕМНОГО»

Куляш Ахметову я знаю уже сорок лет. Встретились мы с нею в конце 70-х годов, в детско-юношеском издательстве «Жалын», которое тогда только открылось, и где мы с ней стали работать – она редактировала казахскую поэзию, а я русскую и переводную. Я не помню подробностей первой встречи, но знаю точно: мы как-то сразу, что называется, «узнали» друг друга и подружились. Теперь я понимаю, что родство душ не было случайностью. Это – Судьба.

Никогда не переводившая до этого, я стала переводить Куляш, и не просто переводить, а со-творить. Говорить по-русски стихами Куляш Ахметовой сделалось для меня потребностью, стало органической частью моего собственного творчества. И занятие это было восхитительным, так как я у Куляш находила воплощение многих мыслей и образов, для которых в своих стихах еще не нашла поэтических формул. И я благодарна Куляш, что она помогла мне своими стихами понять и выразить себя, особенно ту часть моей души, которая тянулась к тюркской мифологии, к поэзии Степи.

Сближались мы с Куляш не только на творческой почве, но и на житейской тоже. И чем больше я узнавала мою подругу, с тем большей радостью видела, какой это и в жизни особенный и хороший человек, равный своим возвышенным и чистым стихам, полным благородства, ума, мудрости и света. От нее, от ее стихов исходит добрый свет. Я думаю, они целебны – в роду у неё были народные целители, и сама она по первому своему образованию медик, но потом закончила факультет журналистики КазГУ, а литературный дар склонил её к поэзии. Однако и дар целителя остался с нею: она лечит Словом. Может быть, еще и потому от стихов её исходит особый свет, что Куляш не только очень талантлива, но она еще и глубоко верующий человек. И всегда такой была, ещё до того, как надела белый платок веры, потому что старалась жить по божеским законам.

Я наблюдала ее на поэтических вечерах, в творческих поездках, в телеэфире, а еще – дома, в семье. И свет этот освещает ее дом, где она с мужем своим, тоже поэтом, Заслуженным деятелем культуры Казахстана, Каирбеком Асановым вырастила чудесных детей – дочь Жазира и сын Жаркын прекрасно образованы и воспитаны, они настоящие интеллигенты, они тоже талантливы. Супружеская жизнь Куляш и Каирбека не была сплошным безоблачным небом – там гремели

нешуточные грозы и сверкали молнии, но все невзгоды смирялись настоящей любовью, которая хранила их брак – единственный на всю жизнь. А грозы и молнии переплавились в прекрасные стихи.

За что я еще люблю Куляш, так это за ее скромность и мудрое терпение во всех жизненных испытаниях, а выпало ей испытаний немало, и одно из них – раннее сиротство. Всё сбылось, как просила она в своих молодых, безоглядных стихах:

Родная степь!
 Я многого хочу!
 Отмерь судьбу, великую, как поле:
 С краями – счастье!
 И с краями – боли.
 Я – дочь твоя,
 Мне это – по плечу!

Было с краями и счастье, и боль, и все испытания выдержала она достойно. Ни тоска по матери, ни телесные недуги, ни зависть людская, ни женские слёзы обиды не сожгли в ней любви. Её голос по-прежнему молод, а душа открыта миру и готова к состраданию, и в ней всегда ликующий «День отрады», тёплый и щедрый «День августа» – так названы её книги, в переводе которых я принимала участие, а ещё есть весенняя книга «Возвращение аистов» и летняя книга «Год Любви», но она могла бы избранное своё назвать «Жизнь Любви». Все перечисленные мною книги выходили на русском языке, но, как пишет сама Куляш: «...На казахском говорю я с вами, / На нём одном за землю отвечаю».

Прежде всего, её знает и любит казахский читатель, и на казахском языке издано около двадцати книг стихов и прозы, главный пафос которых – «Жизнь – счастье!». Счастливым делает человека и творчество, если оно равно жизни.

Только жизни моя песне равна!
 Колыбель мою качала она.
 И детей, и стариков, и влюблённых
 Созывала в круг живая струна.

Так говорит она устами поэтессы Ульбике из далёких времён, которая была убита за свои песни, но песни её оказались бессмертными. И в другом стихотворении – «Ювелир» говорит Куляш о волшебной силе истинного искусства:

Разрушенный печалью – оживёт,
 Преобразится мстительный урод,
 Кто был в слезах – вновь улыбнётся тот,
 И доброте научится жестокий...

Строки эти перекликаются со стихами Мукагали Макагаева, который прорицал появление великого поэта, чьи слова вспыхнут молниями в тёмном небе, и тогда:

Немой заговорит, глухой услышит,
 Слепой найдёт прозренья в тех словах!

А Мукагали зажётся от вдохновенных строк Данте, которого перевёл на казахский язык, привёл в казахскую поэзию терцины, и долго ещё был в потрясении от творческого прочтения гениального итальянца.

Куляш Ахметова никогда не рекламировала себя, чего нынче некоторые литераторы не стыдятся, никогда не просила никаких наград и лавров, а также разных житейских благ, из-за чего тоже бьются на смерть наши собратья по перу. Все что у нее есть, она заработала сама, и признание читателей пришло само. Книги Куляш Ахметовой читают, ее знают не только в Казахстане, но и за его пределами. И признание это не организовано искусственно, оно – настоящее! Куляш заслуженно носит звание лауреата Государственной премии имени Абая, награждена орденом «Курмет». Она сторонится богемной суеты и шума славы, и, может, потому однажды взяла и уехала из южной столицы, из Алматы, в родной своей, зелёный Тараз, пропахший дынями, виноградом и тандырными лепёшками, где прошло её детство, где её корни, где ей легче дышится. Там её любят, и одна из молодых журналисток написала о ней биографическую книгу – исключительно в порыве восторженного сердца.

В своем стихотворении «Родной язык» Куляш пишет:

Перевожу я с языка земного!
Борьба ума и сердца – изъяснима,
Понятна тайна шороха лесного
И над кострами колебанье дыма –
Все обретет во мне живое слово!

В этой строфе одна из разгадок, почему стихи Куляш Ахметовой так близки людям – она переводит с языка земного!

И на высоком перевале ее жизни я хочу сказать ей прекрасное и нежное казахское слово – айналайын!

Куляш, айналайын, мое сердце кружит вокруг тебя!

Надежда Чернова

* * *

...И вышло так, как ты о том просил:
 Одним лишь мёдом наполнись пиалы,
 Взбухали мышцы от избытка сил,
 Дарило небо счастьем небывалым,
 И вырастали крылья в этот год!
 Когда бы знать, что счастье пропадёт
 За чередой ошибок и болезней,
 Но в чёрный миг откроются глаза:
 За синим небом – снова небеса,
 И сокол рвётся к запредельной бездне.
 Танцуют листья с упоением, в лад,
 Как жизни бег, ребёнок своенравен,
 Над морем чайки быстрые кричат,
 Кипит волна, бегущая на гравий –
 Весь мир стремится к счастью и добру!
 Извечен спор Надежды и Сомнения.
 Не изменить лукавую игру
 Бессмертия и краткого мгновенья.

ПАМЯТЬ

1

Я редко о детстве пишу...
 Братишка кричал в колыбели,
 К речному прильнув камышу,
 Ветра заунывно гудели.

Гудел одинокий огонь,
 Взбегая по мёрзлой соломе.
 Я крошки сметала в ладонь –
 Война ещё помнилась в доме.

Шли соки весны от корней.
 Цвёл август. Шумел ветровой.
 Лежали снега на пороге.
 Закутав братишку теплой,
 Ходила я часто к дороге.

Хоть люди твердили одно,
 Что нет нашей мамы на свете,
 Что дождик стучится в окно,
 Что по двору ходит лишь ветер.
 Но слово людское хитро –
 Я рано узнала об этом...

Мелькало снегов серебро.
 От таволги веяло летом.

Клубилась белесая пыль.
 Струились весенние реки.
 Но ты, пригибая ковыль,
 И впрямь не вернулась вовеки.

Нет матери – плачет душа,
 Но разве опора – могила?
 В озябшие руки дыша,
 К недетским делам я спешила.

О куклах смешно вспоминать...
 Мой взгляд посуровел от боли.
 Я пела над братом, как мать,
 О счастье, о звёздах над полем,
 О трудной сиротской судьбе,
 О жизни короткой и жадной,
 О вере людской, о себе,
 Влюблённой в людей безоглядно.

2

Как я тосковала порой
 На праздниках, в шуме весёлом!
 Я памятью шла за тобой
 Сквозь ночь зеленеющим долом.

Ромашки рвала за рекой
 Иль черпала воду речную,
 Я памятью шла за тобой
 Сквозь вечную бездну ночную.

И в бурях юдоли земной,
 В недугах, ошибках, удачах,
 Я памятью шла за тобой,
 Слезу молчаливую пряча...

3

Ты молоком меня своим вспоила,
 И, как росток, я наливалась силой,
 Но жаль, что без тебя я расцвела!
 Землёй ты стала, деревенской глиной,
 Но были мы всегда душой единой,
 Нас даже смерть осилить не смогла.
 В моей крови твоя любовь клокочет.
 Под стрехой крыши ласточка хлопочет –

Её глаза черны, как у тебя.
 Как пряди кос твоих, прекрасны ночи,
 Твоей рукой лицо мне луч щекочет –
 Весь мир тобою стал, меня любя!

ФОТОГРАФИИ АРКАДИЯ

На старом фото в зубчиках годов
 Мои друзья, далёкий отчий кров,
 Наряды старомодные из ситца.
 Год шестьдесят второй.

Звенит июль.

Культай, Башар, смуглянка Изимкуль
 И Рахия – как юны эти лица!

Из города фотограф прикатил.
 Он важничал, он объектив крутил.
 Он, сын казаха, звал себя Аркадий.
 Носил с собой, куда бы ни был зван,
 В наклейках разноцветных чемодан –
 Так обходил аулы наши за день.

И все бежали к дому, где он был:
 Кто стар – тому прибавит снимок сил,
 Кто некрасив –
 красивым станет тут же.

И лишь одна красавица Зере
 Стояла горделиво во дворе:
 Как ни старайся – фото выйдет хуже!

Но на неё Аркадий не глядит:
 Он – мастер, он повсюду знаменит,
 Какое ему дело до девчонки!
 Её прекрасней скромница Шарбан:
 Поправит косы, перевяжет бант –
 И вот увековечена на плёнке!

О, детство, искажённое слегка!
 Позирует, глядит издалека –
 Во всех домах
 ты с ним столкнёшься взглядом.
 Так свежи эти лица, так чисты,
 Что пышные бумажные цветы
 Совсем напрасно были сняты рядом.

Как много было счастья и потерь...
 Открыть бы фото,
 словно в детство дверь –
 Шестнадцать лет!
 Вся жизнь – ещё вначале...
 Цветёт земля.
 Звенит пчелой июль.
 Культай, Башар, смуглянка Изимкуль
 И Рахия – друг друга вы обняли.

В долине жеребёнок лету рад,
 Он, как и мы, смешон и угловат.
 У нас, девчонок, луг цветёт на ситце,
 А снились нам панбархат да атлас.
 Теперь из шёлка платья есть у нас,
 Но в детство
 нам уже не возвратиться...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Земное солнце, мир твоим лучам!
 Ты из колосьев создано пшеничных,
 Из детских слов,
 из перекличек птичьих,
 Из женских кос, бегущих по плечам.
 Ты поднимаешь голову свою,
 Как золотоволосая Даная.
 Она, себя стыдливо прикрывая,
 Спустилась в сад –
 навстречу соловью.

Вершины гор и сумрачная падь,
 Заслушавшись певца, светлеют рано.
 И замирают кисти Тициана,
 Боясь рассветной песне помешать.

За соловьиным эхом грянет дождь,
 Прольёт на землю струи золотые:
 На мёртвый камень, на пески пустые –
 И виноградную наполнит гроздь,
 Цветы подымет, выпрямит траву,
 На склонах гор лишайники разбудит.
 Он – сам рассвет!
 Он постучится к людям,
 Он впустит в окна неба синеву.

К тебе склонюсь:
 «Проснись, мой дорогой!
 Я на губах несу тепло рассвета.
 Звенит пчелой, шумит листвою лето,
 Сближает нас луч солнца золотой.
 Жизнь – это счастье!
 Ты обязан жить.
 И потому так радостна мне зорька –
 Она листом берёзы пахнет горько,
 В неё вплелась дождя слепого нить.

Бежим скорей на песню соловья,
 Мелькая меж чинар и красных сосен,
 Как два луча, как два потока солнца,
 Пока мы есть на свете – ты и я!»

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ УЛЬБИКЕ

*Когда-то в устье рек Талас и Сарысу
 жила поэтесса по имени Ульбике. Она
 на равных состязалась с известными
 акынами своего времени. Слава о ней
 разносилась далеко по казахской степи.
 В приступе гнева и ревности её убил
 муж Байтан.*

Тоньше жилки голубой на виске,
 Твоя жизнь, твоя судьба, Ульбике.
 Ты лежишь, забита грубою палкой,
 Как безродная собака в песке.

С кровью горлом твоя песня идёт,
 Грудь сжигает, жилы тонкие рвёт.
 Содрогаются предгорья и горы –
 Для души твоей готов небосвод.

Нет звезды – она пропала среди скал,
 Белый тополь, как подрубленный, пал,
 Мать забилась
 на груди твоей хриплой,
 Твой отец седым и сгорбленным стал.

Всё пройдёт, за всё заплатит Байтан!
 Станут травами твой голос и стан.
 – Но кому я передам свою песню,
 Мой огонь, который Богом мне дан?

Чем восполнится мой дар, мой позор?
 Табуны коней,
 бегущие с гор,
 Даже золото подлунного мира –
 Всё ничтожно, как летающий сор.

Только жизни моя песня равна!
 Колыбель мою качала она.
 И детей, и стариков, и влюблённых
 Созывала в круг живая струна.

Всё уносит быстротечный поток.
 Станут прахом и дурак, и пророк.
 Я сама землёю чёрною стану,
 Лишь над песнею не властвует рок.

Оживёт от песни мёртвый такыр,
 Понесёт её в сраженья батыр.
 Пусть глазами она вашими будет,
 Как и я, с любовью гляньте на мир!

Жизнь-река. Теченьем всех унесло.
 Быть жестоким – в мире есть ремесло.
 Пусть отныне песня станет вам сердцем,
 Как и я, не верьте в хитрое зло!

Веет холодом – уходит река...
 Ничего уж не коснётся рука.
 Ускользает жизнь,
 как ртуть, из ладони,
 Ускользает – далека, на века...

Волны катятся, гудят – не успеть.
 Зелен луг и зелен сад – не воспеть.
 Мне растит цветы могильные лето.
 Жизнь – для вас,
 а для меня – только смерть.

Рано, рано жизни лопнула нить –
 Не успела жизнь я в песни вместить.
 Ждёт покой за той волною последней,
 А для песен – свет на крыльях носить.

Нет покоя на земле для певца!
 То в печали он от злого словца,
 То от дружеского взгляда сияет:
 В нём – ребёнок,
 В нём – душа мудреца.

Что богатства и что слава ему?
 Кроме песен он не рад ничему!
 Что вы плачете над павшим поэтом?
 Что к могильному идёте холму?

Не подымете поэта слезой,
 Будьте бережны, пока он живой.
 Поколения сменяют друг друга,
 А поэт – всегда один под луной.
 Нас немного.
 Мы, как чудо, живём.
 Муж от ревности наполнился злом.
 Он убил меня, а песня – бессмертна,
 Пусть живёт она в народе моём!

ЗАПОЗДАЛОЕ ПИСЬМО

Пришло ко мне из юности письмо...
 Оно дохнуло ароматом сада,
 Сырой травой, берёзовой оградой
 И земляничной свежестью лесной.

Он ветром был,
 а я – цветком степным.

Он посылал мне письма без ответа.
 Но не одно я пропустила лето,
 Ловя стихи, живя стихом одним.

Менялись травы в поле за рекой,
 Снега летели стаей легкокрылой –
 Так время шло, и я его забыла,
 Склоняясь, как и прежде, над строкой.

Как странно
 оглянуться в прошлый день
 И лишь теперь понять, на склоне лета:
 Была любовь таким потоком света,
 Что перед ней бессильна смерти тень,
 Бессилен ум, вступающий в борьбу
 С горячим сердцем,
 с временем летящим...

«Живу тобой, зову тебя всё чаще,
 И всё ещё надеюсь на судьбу!..» –
 Так пишет он.

И что ответить мне
 Негаданно нагрянувшему грому?
 Я так привыкла к шуму городскому,
 К своим успехам, к ранней седине.

Но разве он за сердце виноват?
 Такое сердце вечно уязвимо...
 Другой тропой я проходила мимо,
 К своим стихам я обращала взгляд.

Я очерствела от ночной строки,
 От горней выси, от ветров нагорных,
 От горьких слов,
 от размышлений чёрных –
 Что ледникам за дело до реки?
 Живи, как жил, и не тяни руки
 К прекрасному цветку чужого сада.
 Ему дождя неожиданного не надо –
 Урочный дождь расправит лепестки.

Ответить так – усилить боль письмом,
 Ответить так – приблизить отречение,
 Но спорит сердце каждое мгновенье
 С холодным и безжалостным умом...

МНОГО ОШИБАЛАСЬ Я...

Из ошибок жизнь моя...
 Ошибалась я немало,
 С той поры, как слово «Я»
 В этом мире осознала.

С другом путала врага –
 И была враждебна к другу.
 И, страстей своих слуга,
 Как слепая, шла по кругу.

Опоздала я к Любви –
 К Нелюбви пришла неожиданно...
 На слезах и на крови,
 На молитве покаянной,
 На добре и горьком зле,
 На огне, что сердцем добыт,
 На огне в кромешной мгле
 Жизнь замешивала опыт.

Время раны исцелит
Снегом вспыхнувших сединок,
Но со смертью замолчит
Чувств и мыслей поединок.

В нас – смятения исток!
Древний лик степи – бесстрастен,
Безошибочен поток
Ясных дней и дней ненастья...

НАДПИСЬ НА МАВЗОЛЕЕ АЙША-БИБИ

Среди волн голубых ковья
Встал над временем памятник жизни.
«Осень. Тучи. Прекрасна земля», –
Высек мастер на каменном фризе.
Вплёл художник в узоры камней
Своей родины листья и стебли,
Кровь свою – и не властен над ней
Шум ветров, разрушающий стены.

Бродят тучи осенней земли,
Воздух полон печали и света.
Как влюблённые, руки сплели
Горечь жизни и счастье поэта.

Поднимая бессмертия храм,
Имя женщины вырезал мастер,
А своё – не оставил векам,
Только – горечь в узорах да счастье.

Он чертил на песке мавзолеей,
Мял в ладонях приречные глины,
Слушал ветер весенних полей,
Слушал осень в крылах журавлиных.

Гул небесный несли тополя.
И сказал в потрясении мастер:
«Осень. Тучи. Прекрасна земля!» –
Держит купол бессмертия строчек.

Веет ветер, песками шурша,
Ни дворцов, ни лачуг не жалея,
Но жива, как и прежде, Айша
В этих смуглых камнях мавзолея.

Благородство её красоты
В этих строках, простых и высоких,
В этих стенах, где, вспыхнув, цветы
Не растратят подземные соки.

Так же ярок их летний наряд
Ранним утром и полночью лунной,
Как и восемь столетий назад
Под ногами красавицы юной.

Вновь и вновь мы приходим к Айше...
Сквозь запреты, сковавшие цепью,
Поклонение женской душе
Подняло мавзолеи над степью!

Кыз-Жибек и Баян, как заря,
Над краями восходят моими.
«Осень. Тучи. Прекрасна земля»,
Где возвышено женское имя!

МАСТЕР

Даркенбаю

Гранёный перстень –
прошлого печать –
Из толщ земных

вернулся в мир опять,
Лучом звезде далёкой отвечать,
Как повелел когда-то древний мастер!

От праха лет, от сырости могил
Очистил перстень новый ювелир,
И в красном камне
вспыхнул древний мир,
И встретился глазами с нашим миром.

Хранит
спасённый перстень Даркенбай...
Шумит огонь,
как крылья птичьих стай,

На лепестках цветка играет май,
В узорах перстней лето оживает.

Играет камень искрами Пляяд –
И твои перстни девушек пленят,

И даже равнодушный прежде взгляд
Вдруг озаряет радость восхищенья.

Возьмёт кольцо, кому оно подстать.
И, может быть, у девушки –

как знать –

Душа привыкла золотом блистать,
Но не природным,
а фальшивкой грубой.

Известно ювелиру с давних пор:
Тогда прекрасен золотой узор,
Когда с душой прекрасной разговор
Ведут кольцо, подвески, ожерелье.

Без человека золото земли
Равно камням и мусору в пыли.
В узоры пальцы мастера вплели
Сердца людей, возвышенные чувства.

Тебя бездушный слушает металл,
Что миллионы лет в земле лежал,
В твоих руках цветом пылает лал,
Так неужели неподвластны люди?
Кали в огне, над углями держи,
Снимай нагар с заржавленной души,
В оправе чуда снова хороши,
Как в первый день творенья,
будут люди!

Разрушенный печалью – оживёт,
Преобразится мстительный урод,
Кто был в слезах –
вновь улыбнётся тот,
И доброте научится жестокий.

Просеиваю золотом слова,
Сплетаю мысль, как мастер кружева.
Не будет доблесть юноши жива,
Без стремени, камчи, седла резного.

Как украшали вещи мастера
Чеканкою, резьбой ещё вчера!
В тисненье кож, в узорах серебра
Душа народа говорила с миром!

Не дай ремёслам превратиться в прах!
Пусть дух мужской
встаёт на стременах.
Казахом будет нынешний казах,
Узнав себя в узорах Даркенбая!

Не канет в Лету вдохновенный труд!
И, может быть,
в грядущий век дойдут
Чеканщика серебряный сосуд,
Творенье зодчих, перстень ювелира.

Изящный гвоздь, причудливая скань,
На тусклом камне радужная грань –
Ты на искусство ювелира глянь,
Создатель роботов и автоматов.

Перевод Надежды Черновой.

